

Алексей Борисов
Приключения чувств, или
Три новеллы про любовь

18+

Алексей Борисов

**Приключения чувств, или
Три истории про любовь**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Борисов А. В.

Приключения чувств, или Три истории про любовь /
А. В. Борисов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-2434-9

В этой книжке – три истории про любовь. Про любовь и только – без убийств, криминальных разборок, политики, войны. Эта книга про приключения – но не людей, а их чувств. И вы убедитесь, что эти приключения еще более интересны, необычны и захватывающи, чем приключения людей!

ISBN 978-5-5321-2434-9

© Борисов А. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Гумберт наоборот, или Долгий путь домой	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Гумберт наоборот, или Долгий путь домой

Денег, заработанных за 20 лет работы на «северах», хватило как раз на то, чтобы купить квартиру-«однушку». Родной город предложил бывшему полярнику должность методиста на станции юных натуралистов. Теоретически, вместе с пенсией, зарплаты должно хватить на существование. Потекла тихая, спокойная, размеренная жизнь – та самая, о которой так мечталось во время бесконечных арктических зимовок, экспедиционных скитаний и прочих передряг моей прошлой бродячей жизни.

На работу ходил пешком (всего-то два шага). Путь пролегал по территории местного вуза – того самого, в котором когда-то учился сам. Я не сентиментален, и ежедневные погружения в сутолоку студенческого быта служили для меня всего лишь еще одним подтверждением тривиальной мысли о неизбежности возврата «на круги своя». Целая жизнь с ее бурями, метаниями, поисками, опасностями пролетела, как единый вздох, а здесь ничего не изменилось.

Дошло до того, что заметил за собой странную, на первый взгляд, привычку: проходя по университетскому двору, чисто рефлексивно киваю некоторым студентам. Даже поразился: с какой бы стати?

Но, размышляя по дороге над этой странностью, неожиданно для себя понял, что просто-напросто узнаю некоторых молодых людей и девушек! Что они мне знакомы!

Тут же сообразил, что знакомы мне, конечно, не сами студенты, а их родители; что это – сыновья и дочери бывших однокурсников и однокурсниц, с которыми когда-то учился вместе, других моих знакомых. И пока я шатался по «северам», они давно переженились и повыходили замуж, у них родились и выросли дети и поступили в тот же самый вуз, в котором учились их родители.

Эта догадка мне так понравилась, что я даже придумал своеобразную игру: проходя по университетскому двору, гадал, вглядываясь в лица встречной молодежи, кто чьим сыном или дочерью мог бы быть? На кого из моих сверстников они похожи? «Вот этот подошел бы в сыновья Пашки Емельянова» «Вот этот как две капли воды похож на Костю Платова...»

А потом меня постигло потрясение: как обычно, развлекаясь своей забавой, я торопился с утра на работу, и навстречу мне, подбрасывая затынутыми в искрящиеся колготки коленками полы пальто, шла она – точная моя копия двадцатилетней давности. Я даже не сообразил сразу, кого узнал в этой девушке, и лишь шагов через пять ошеломленно обернулся, чтобы увидеть теряющуюся в студенческом потоке спину.

Неужели?! Этого не может быть! Один-единственный случай, один-единственный!

... Это случилось в конце четвертого семестра, на дымной, пьяной студенческой вечеринке в общежитии. Танцы в крохотной, насквозь прокуренной комнатухе, дребезжащая музыка из разбитого магнитофона, горячее, плотное и аморфное, словно плавленый сырок, тело, прижимающееся в затыжных пассах медляка, и неистовое, почти истеричное, пубертативное желание – нет, не любви и даже не секса, а избавления от собственной застарелой невинности, доказательства чего-то и кому-то неизвестно зачем!

Потом моя партнерша ушла курить, и я потащился за нею следом. Мы стояли на холодной лестничной площадке, она затягивалась длинной тонкой сигареткой и о чем-то говорила с подругой. Я не курил и неловко молчал. В те годы я был очень серьезным, малоконтактным юношей, помешанном на экзистенциалистской зауми, запавшей в голову на лекциях по философии. Девушек попросту пугался, от самых невинных попыток заигрывать со мной шаркался, как конь Александра Македонского от собственной тени. До той самой пьяной ночи...

Все уже знали, что меня отчисляют: из-за увлечения Кьеркегором и Со образовались хвосты по базовым предметам. На Кавказе шла война, и у меня были хорошие шансы загреметь в армию. И не вернуться.

Подруга моей партнерши по танцам внезапно замолчала, и та, раздавав в пепельнице-консервной банке окурки, как-то слишком обыденно бросила мне: «Пойдешь со мной?»

И я шел вслед за ней по полутемному общежитскому коридору, следил мутноватым от алкоголя взглядом за светлыми полосками, мельтешащими между подолом платья и голенищами ее сапог, и размышлял о том, зачем она носит дурацкие сапоги-чулки, так уродски обтягивающие икры? С чего это все девчонки помешались на этой идиотской обуви, так подчеркивающей недостатки женских ног?

Слегка растерялся, когда она остановилась у незнакомой двери в стороне от дребезжащей магнитофонными звуками танцевальной комнатухи, и стала отпирать ее невесть откуда взявшимся ключом. Шагнул следом – в тусклом свете ночника в глаза бросилась смятая постель, наполовину опорожненная бутылка водки на столе, несколько измазанных маслом корок хлеба рядом с нею. Понял, что не одного меня сегодня провожают в армию. Начал раздеваться, почти как на медкомиссии.

– А мы что, не выпьем? – поинтересовалась «подруга дней моих суровых», и, разливая водку, я отчетливо слышал дребезжание горлышка бутылки о край стакана. Хотела ли она меня?

Только потом, когда все уже было кончено, заметил, что девушка так и не сняла сапог, и теперь лежит, запутавшись массивными подошвами-платформами в скомканной простыне, и впившаяся в кожу верхняя кромка голенищ лишь подчеркивает мосластость некрасиво выпирающих коленок...

После армии восстанавливаться в вузе так и не стал. Пока служил, родители разошлись; отец привел в дом молодую женщину, мать уехала к родне в Екатеринбург. Туда я и рванул сразу после дембиля. Собирался обустроиться, поступить на философский факультет тамошнего универа. Но, сидя в ожидании самолета в аэропорту Кольцово, пристроился играть в карты с мужиками, летящими на юга с буровых платформ. В результате пришлось записаться чернорабочим в шабашную бригаду, отправляющуюся подкалывать на южные берега северных морей.

С тех пор миновало более двадцати лет. Север меня захватил. Я остался. Шатался с геологами по тундре и тайге, работал на полярной станции, участвовал в арктических экспедициях. Поступал учиться заочно на биофак, жил бурно, полнокровно, интересно, напряженно. Но все хорошее когда-то кончается. Звезд с неба схватить не сумел, а в качестве трудяги-коняги пришла пора дать дорогу молодым. Что делать: для полярника сорок с гаком лет – пенсионный возраст! Приходится возвращаться в обычную, обыденную жизнь – как шторм выбрасывает на берег разбитый баркас – со снесенными мачтами, проломленными бортами, хлюпающей в трюме водой. Без надежд, без будущего...

Не скажу, чтобы одиночество чрезмерно тяготило меня. Но, с другой стороны, осознание того, что впереди нет ничего, кроме монотонных буден, километров съеденной лапши «Роллтон», сотни-другой просмотренных телефильмов и нескольких тысяч разгаданных шахматных задач, не грело.

И вот теперь... Я не знал, верить ли мне своим глазам? Может, только показалось? Привиделось? А если нет? И у меня – отшельника, сухаря, мизантропа – взрослая дочь? Симпатичная, умная, чудесная девушка?

А что, если произошедшее тогда, в общежитии, не было случайностью, формальной данью уходящему в армию неприкаянному однокурснику, а чем-то большим? Может, та девушка, мельтешившая светлыми полосками чулок между подолом платья и голенищами

сапог, сошлась со мной не случайно? В конце концов, выносила же она под сердцем моего ребенка?

Я даже не помню толком, как ее зовут. Кажется, Оля. Или, может, Галя? В тот вечер я так испугался того, что между нами произошло, механического примитивизма, в который воплотились самые сокровенные желания, что слинял с вечеринки. Точнее говоря, сбежал прямо из той полутемной комнаты со смятой постелью и недопитой бутылкой водки на столе. Мне было страшно стыдно перед девушкой за то убожество, в которое воплотил мои мечты, за то, каким я был неловким, неумелым, угловатым. Унижено лепетал что-то про больную бабушку, которая непременно умрет, если я немедленно не вернусь домой, и она равнодушно слушала меня, глядя сквозь синеву сигаретного дыма куда-то в сторону, и даже не пыталась поправить платье, откровенно и как-то особо похабно сбитое к поясу. Так и убежал, не узнав ни ее имени, ни на каком факультете она учится. Не простившись, и лишь бормоча одни только бессмысленные извинения.

Интересно, вышла ли она замуж? Конечно, девчонка она была разбитная, броская. Но, с другой стороны, кому нужна «невеста» с «приданым»? Тем более, в стране, где «по статистике на десять девчат» не девять, а уже семь или шесть ребят – остальные спились, скурились или «мотают сроки»? Нет, кажется, все-таки ее звали Верой... Какая же я все-таки скотина! Не помню даже имени той, которая...

И узнать теперь нет никакой возможности. Блокнот с телефонами однокурсников, который я первые годы полярного жития-бытия хранил в качестве реликвии, покоится где-то на дне Карского моря вместе со всем тем барахлом, что громоздилось в складской палатке на расколовшейся льдине. Адресов не помню, да и к чему? Все, наверное, поразъехались! Столько лет прошло! Да и о чем я мог спросить, если бы встретил кого-либо из бывших товарищей студенческой поры? «Братан, а ты случайно не помнишь, как звали ту телку, которая ненароком переспала со мной на вечеринке на втором курсе?»

Но если ребенок взаправду мой... Если она еще помнит меня... У меня же может быть своя семья! Появится какая-то осмысленность в этой жизни! Может, даже преданная, любящая женщина, живые заботы, человеческие радости, тревоги, обязанности не только перед «будущим всей страны», но и перед конкретными людьми, близкими и родными, перед вот этой девчонкой, что попалась мне на глаза среди университетского двора, наконец...

Интересно, сильно ли эта Вера-Галя-Оля изменилась? В институте была справной, крепкой, словно маринованный грибок. Такие девушки с годами, как правило, неплохо сохраняются. Тем более, сейчас, когда у женщин есть масса возможностей следить за собой – косметика, тренажерные залы, – многие в сорок лет смотрятся, как тридцатилетние...

Я представил себе ее, бегущую мне навстречу, ее голову с растрепанными волосами, прижатую к моему плечу – ведь может быть и так! Во времена моей молодости стареющие женщины красили волосы хной, и я почти явственно увидел рыжизну ее волос с отчетливой седой у корней, затем запрокинутое, опухшее от слез лицо, милые вертикальные складки у губ... И вдруг понял, что толком даже не помню, как она выглядит. Если встречу – узнаю, но так просто, абстрактно, представить ее себе не могу!

Господи, да о чем это я? Один случайный взгляд, мелькнувшее виденье! А я – старый балбес – уже размечтался, настроил воздушных замков!

С другой стороны, может ли возникнуть ни с того, ни с сего подобная схожесть? Что говорят по этому поводу менделевские схемки? Теория вероятности? Впрочем, зачем ломать голову? «Теория, мой друг, суха, лишь древо жизни вечно зеленеет!» Надо просто пойти после обеда, когда кончится третья пара, к университету и отыскать ту девушку!

Глупость, конечно. Но, с другой стороны, что я теряю? Полчаса своего досужего, бессцельного времени? Какие у меня еще есть варианты? Тупо сидеть в учебном кабинете в окружении морских свинок, попугаев и фикусов? Пойти домой и отмерить очередные два-три метра

лапши из пластиковой коробки? Уставиться до десяти вечера в нудный телесериал и благополучно завалиться спать?

Короче говоря, в тот день с часу до трех дня я шатался по территории вуза, украдкой вглядываясь в лица выходящих из корпусов девушек. Разумеется, нужную мне не встретил. Но меня это не обескуражило. Сразу найти одну-единственную среди пяти или шести тысяч студенток, учащихся в нашем университете, было бы чрезмерной удачей. Просто надо подойти к делу с должной настойчивостью и методичностью.

На следующее утро я с двойной энергией прочесывал вузовскую территорию – в конце концов, моя теперешняя трудовая деятельность вовсе не принадлежала к тому типу, который требовал постоянного присутствия на рабочем месте.

К концу недели студенты начали здороваться со мной: моя плотная фигура в кургузой куртке примелькалась, и меня, верно, принимали за нового преподавателя. Девушка-клон, правда, на глаза так и не попала. Однако, ввязавшись в какое-либо дело, не имею привычки отступать. Просто знаю, что если хоть разок спасовать перед какой-нибудь трудностью, то потом все пойдет кувыркком – на Севере к пониманию этой простой истины приходишь быстрее, чем где бы то ни было.

Хотя, если вдуматься, какой результат могут дать мои поиски? Ну, встречу ее – что скажу? «Здравствуйте, я ваш папа»?

Но, с другой стороны, у меня появится хоть какая-то ниточка к той Оле-Гале-Вере! Мне вовсе не обязательно затевать с ее дочерью разговор, достаточно будет просто проследить за нею, узнать, где она живет, и, значит, живет моя мимолетная любовь, мой шанс на семью, заботу, счастье!

Как-то она меня встретит? «Здравствуй, я тебя так долго ждала!» Или нет? Будет отчужденной, враждебной?

Я сумею растопить ее недоверие! Я физически чувствую под сердцем такую тяжесть нерастраченной нежности, ласки, тяготения к человеку, которого я мог бы назвать родным, что она непременно ощутит эту силу, эту тоску внутри меня, и не сможет прогнать!

А если она все-таки вышла замуж? И у нее благополучная, устроенная жизнь? Упакованная, навороченная, раскрученная – как там еще сейчас принято говорить? В которой нет места странноватым полунцим чудачкам, привидениям из прошлого?

Конечно, я даже не сделаю попытки разрушить ее семью. Отступлю в сторону. Исчезну. Действительно, что я могу предложить женщине – не конкретно Оле-Гале-Вере, а любой? Мизерный оклад, захламленную ракушками всех видов и мастей квартиру, старикивские рассказы о полярных зимовках и чудесах северного сияния?

Но хотя бы с дочерью-то она мне позволит видаться?

Конечно, эти соображения меня слегка расхолаживали, да и первый запал от встречи с «ребенком-клонёнком» пропал. Надо полагать, данное приключение рано или поздно было бы оставлено мною без последствий – в конце концов, сколько же можно шататься по морозу между вузовских корпусов?

К следующим выходным я уже свел свои изыскания к обычным утренним прогулкам по университетскому двору по пути на работу. В понедельник даже забыл, что надо бы повнимательнее всматриваться в лица встречаемых девиц. Но удача имеет свойство приходить неожиданно-негаданно. Спустя ровно две недели, точно на том же месте, я вновь встретил столь похожую на меня девицу.

Это опять был шок. Как загипнотизированный, я развернулся и пошел за ней следом. Никакой ошибки быть не могло: мой победоносный прямой «норманнский» нос, мои широко расставленные глаза, мой высокий, куполообразный свод черепа! Даже походка ее напоминала мою!

Очевидно, за пару недель слухи о престарелом хмыре со шкиперской бородкой, разгуливающим по университету и высматривающего девичьи мордашки, уже распространилась в студенческой среде. Девушка несколько раз с любопытством оглянулась на меня. Я проводил ее до дверей учебного корпуса. Дальнейшее было просто: в ближайшем киоске купил пачку газет и занял позицию напротив выхода. Декабрь, подмораживало, но для человека, которому приходилось часами выслеживать возле проруби на тридцатиградусном морозе нерпу, это – сущая ерунда.

Через полтора часа перебрался вслед за «клоненком» к дверям другого корпуса, по дороге запасшись в студенческом ларьке сосиской в тесте и пластиковым стаканчиком кофе. Далее – по расписанию: марш-бросок к следующему корпусу, ориентир – бордовая шерстяная повязка на темно-каштановых, с рыжинкой, волосах. Оставалась сущая ерунда: еще полтора часа ожидания и прогулка по свежему воздуху вслед за худенькой фигуркой в сереньком пальто.

Но время вносит свои коррективы в планы: как и предполагалось, около часу дня объект моих наблюдений воодушевлено выскочил из массивных дверей альма матер, но вместо того, чтобы смиренно чапать прямо домой или к ближайшей остановке общественного транспорта, девушка, попутно «ботая» по «мобиле», сноровисто шмыгнула в сторону автостоянки и уверенно нырнула в распахнувшуюся перед ней дверцу приземистого «Ауди» темно-вишневого окраса.

К такому обороту я был не готов. В мое время студентки на иномарках не ездили. Успел лишь запомнить номер автомобиля и разглядеть за рулем парня в какой-то особо разлапистой меховой шапке. Пришлось констатировать, что «клончик» у меня получился не промах, а встреча с ее мамой – откладывается на неопределенный срок.

Впрочем, человек с научным складом ума и достаточным терпением может извлечь полезный результат из любого стечения обстоятельств. Проводив взглядом иномарку, заглянул в предбанник ректората, где без особого труда сопоставил график перемещений моей новой знакомой с университетским расписанием занятий.

Вычислить группу, в которой она учится, не составило большого труда. Утром девушка шла в корпус №7 – там в этот день начинали занятие 46 студенческих групп. В первый корпус, куда она направилась на вторую пару, из седьмого переместилось четыре группы. Из этих четырех третья пара в пятом корпусе, от дверей которого моя подопечная уехала на иномарке, была только в одной группе. Следовательно, в ней-то она и училась. Все очень просто, как дважды два – четыре.

Теперь с понедельника по субботу в первой половине дня я мог найти ее в любую минуту, но это мало приблизило меня к первопричине моих изысканий – к Оле-Гале-Вере. Оказывается, современные девушки ведут весьма светский образ жизни. В тех случаях, когда парень в разлапистой шапке не увозил ее на «аудимобиле» в неизвестном направлении, она то направлялась с подругами в студенческое «Кафе-мороженое» по часу щебетать о чем-то удивительно упоительном – насколько я мог судить, глянув мимоходом через витрину.

То шла в спортивный комплекс с сумкой, из которой торчала массивная рукоятка теннисной ракетки – минимум, на полтора часа. Либо оседала в «фитнес-центре» – тоже не менее часа. Либо подряд первое, второе и третье с последующей потерей ее следов в сутолоке расплодившихся супермаркетов, в толкотне которых я совершенно не ориентировался.

Короче говоря, слежка за собственной дочерью (в том, что она моя дочь, я уже совершенно не сомневался) оказалась довольно утомительным занятием.

Но и увлекательным! Согласитесь, что может быть более волнующим, чем проследить ту ариаднину нить, которую прокладывает по каменным джунглям современного города юная леди, и не просто юная, но симпатичная, умеющая себя подать, модная, и эта девушка – ломтик родной мне плоти! И вокруг нее роятся подружки, молодые люди, взрослые мужчины! И

мне поневоле приходится угадывать, какие отношения с кем из них ее могут связывать, кто из них может оказаться ее кавалером, женихом, другом? Прилагая свой собственный скудный опыт, примерять, насколько далеко могли зайти их отношения? Регистрировать то неожиданную холодность «аудивладельца», то старомодную куртуазность дядьки моих лет, разъезжающего на шикарном «мерине» и регулярно подбрасывающего ее к спорткомплексу – этот-то куда лезет? Отмечать скользкий поцелуй-расставание с пареньком-однокурсником на троллейбусной остановке. Радоваться, видя, какой бодрой, радостной, оживленной выходит она из бассейна, и гадать, кто из них, из вьющихся вокруг нее самцов, вселил задор в эти веселые, с прищуром глаза, заставил зардеться щеки?

Оценивать, насколько повышает ее котировку новая куртка или сапожки, перехватывать взгляды других мужчин, то плотоядно обволакивающие магические линии ее бедер, туго обтянутых джинсовой тканью, то загорающиеся при виде ее мордашки! Честное слово, во время этих моих «розыскных мероприятий» часы летели для меня незаметно, и каждый вечер, подводя итоги своих изысканий, я радовался, как ребенок, если мне удавалось хотя бы на шаг приблизиться к ней ближе, чем вчера, или она взглянула на меня хоть чуточку добрее, либо не с такой презрительной гримаской ускользнула в переполненном зале какого-нибудь супермаркета.

Конечно, мне было страшно неудобно. Она меня частенько замечала, и, заметив, глядела, мягко говоря, с недоумением. А один раз, нащупав взором в уличном потоке мою фигуру, неожиданно и с вызовом принялась целоваться со своим спутником прямо посреди улицы. Быстро взглядывала на меня и вновь демонстративно впивалась ошалевшему «аудивладельцу» в губы, наваливалась на него грудью, толкала коленками и с любопытством косилась на мою физиономию с отпавшей челюстью.

Если она в своих перемещениях по городу оставалась одна, то вполне предугадываемо и вполне успешно старалась от меня избавиться. Зимой рано темнеет; это обстоятельство приносило чисто визуальные трудности. Пришлось приноравливаться, изучать азы наружного наблюдения. К примеру, оказалось, что человек ведет себя достаточно нервно, если следовать за ним по его пятам по той же стороне улицы. Но стоит перейти на противоположную, как он успокаивается. И это наблюдение в дальнейшем мне очень помогло. И не только мне.

В тот вечер она возвращалась от подруги, жившей в старом, как сейчас принято выражаться, «депрессивном» микрорайоне: редкие прохожие, обветшалые стены хрущевских пятиэтажек, разбитые фонари и узкие тропинки между грязноватых сугробов. То и дело болтала по мобильнику и мела сумочкой на длинном ремешке свежевыпавший снег. Я шел по противоположной стороне улицы, вдоль покосившихся хибар частного сектора, где освещения не было совсем и меня невозможно было заметить. Во всяком случае, «охотники за мобильниками» меня точно не увидели. Они выскочили, как чертята из табакерки, из-за какой-то будки, догнали ее сзади, толкнули в сугроб, один принялся душить шарфом, другой, отдирая пуговицы, рванул на ней пальто, обнажая беззащитно вскинутые коленки, начал поспешно обшаривать карманы, выхватил из рук мобильный телефон, метнулся прочь. Мне достаточно было лишь чуть-чуть ускорить шаг и перейти на другую сторону улицы, чтобы он с разбегу ткнулся сопливым рыльцем мне в грудь. Я неспешно поймал его за ухо и процедил:

– Быстро верни девушке трубку и извинись!

Видимо, за годы жизни на Севере в моем лице сформировалось какие-то такие черты, которые заставляют самых разнообразных людей призадуматься о суетности бытия. Недоумок по-щенячьи взвизгнул, дернулся, швырнул мобильник под ноги и, скользя кроссовками по обледенелому асфальту, засеменил прочь. Его напарничек отцепился от шарфа и попятился, патетически размахивая перед собой перочинным ножиком. Видимо, сильно впечатлился моей физиономией покорителя Арктики. Сцена получилась до постыдности пошлая, почти как в

«Данди Крокодиле», – кино, которое я во время зимовок смотрел и пересматрел раз пять точно.

Я подобрал телефон и направился к девушке.

Когда та меня увидела, рот ее приоткрылся, и она подскочила так, словно из сугроба в нее плеснули кипятком.

– Не походите! – «ребенок-клонёнок» пятилась от меня, отступая вслед за своими недавними обидчиками, и оглядывалась, тщательно регулируя дистанцию так, чтобы быть где-то на равных расстояниях от меня и от них.

– Да не бойся! – пробормотал я. – Не сделаю ничего плохого! – но в полутьме все три силуэта постепенно сливались воедино, превращаясь в маленькую настороженную стайку. Любопытная, наверное, со стороны картина! Хоть монументальное полотно пиши: «Конфликт поколений» или «Старое против нового». Более дурацкую ситуацию и придумать-то трудно. – Возьмите мобильник! – перешел я на «вы», но вся троица лишь прибавила ходу.

Вдали, за перекрестком, начинали мельтешить гирлянды огней большого городского проспекта. Мы так и шли целый квартал: я с мобильной трубкой в вытянутой руке, шагах в десяти передо мной, пятясь вполоборота и загребая высокими каблуками снег, девушка, а еще шагах в пяти перед нею – оба недоумка, часто и недобро оглядываясь.

Уже вблизи проспекта, когда я попытался сократить дистанцию, девушка отчаянно пискнула:

– Я буду кричать! – подбежала к проезжей части и принялась голосовать. Юных и одиноких дамочек подсаживают охотно. Я даже не успел второй раз предложить ей забрать мобильник. Оба шпаненка, еще раз «сфотографировав» меня зыркалами, ссутулились и нырнули в темный провал какого-то переулка. Я опять остался один, с холодным телефоном в озябшей руке.

Очевидно, моя пинкертоновская деятельность привела-таки к простуде. Приехав домой, почувствовал легкий озноб. Кутаясь в плед, в пустой и холодной квартире, не включая свет, я грел чайник и размышлял над тем, осталась ли у меня хотя бы ложка малинового варенья. Мобильник в кармане куртки раза три проверещал первые такты популярной мелодии прежде, чем я понял, что это – вызов.

– Почему вы меня преследуете? – хрипловато каркнула откинута крышка.

– С чего вы взяли? Никто вас не преследует!

– Послушайте! Вы мне в отцы годитесь, если не в дедушки! Что вы таскаетесь за мной вторую неделю?

– О чем вы? Это какое-то недоразумение! – когда надо, я умею делать «морду кирпичом».

– Не держите меня за лохушку! Неужели вы думаете, что я слепая?

– Ничего я не думаю! Заберите свою трубку!

– Я не хочу вас больше видеть! Вы меня достали, слышите, вы?!

– Отлично! Скажите мне адрес, я вам вышлю мобильник почтой.

– Не хватало еще, чтобы вы меня у подъезда стерегли! Отдадите завтра в каком-нибудь людном месте!

– В каком? – вполне безразлично переспросил я.

– Ну, скажем... – безразличный тон немного охладил пыл моей собеседницы, и после некоторого колебания «клончик» назвала студенческое кафе возле университета: – В половину второго пополудни!

– О кей! – буркнул в ответ, резким щелчком крышки мобильного давая понять, что не люблю разговоров в таком тоне.

«Фламенко» во времена моей юности было самым обычным кафе. Мы бегали туда после занятий почавкать по дешевке, когда неохота было толкаться в очереди в студенческой столовой. Сейчас внутренность этого заведения отделали розовыми панелями, поставили барную

стойку и разрешили курить. В результате этих нововведений заведение перешло в разряд престижных. Во всяком случае, в обеденный час здесь имелись пустые столики; только две или три шикающих молодежных компании вразнобой гомонили, сидя возле заставленных пластиковыми бутылками столов.

Я пристроился возле стойки и заказал чашечку кофе. В голове было пусто, и как ни старался продумать линию предстоящего разговора, ничего дельного на ум не приходило.

Девушка-клон прибыла почти без опоздания, кивнула кому-то в зале и прошла прямо ко мне. Я молча выложил телефон на стойку.

– Спасибо! – взгляд девушки в этот момент мог бы опрокинуть бронированный сейф. – Вчера вы меня очень выручили!

– Ерунда! Часто с вами такое приключается?

– Не знаю. Обычно я стараюсь одна по таким тмутараканям не ходить.

– Значит, вам все-таки повезло, что вы оказались не одна. Кофе хочешь? – я светски-небрежно перешел на «ты» и сам удивился, насколько это у меня естественно получилось. В студенческие годы в таких случаях страшно тушевался.

Сработало: девушка присела на соседний табурет, пальто на ней распахнулось, я невольно взглянул на ее ноги – на ней была очень короткая юбка, почти не скрывающая стройных, в меру и красиво «накаченных» бедер. Еще пара чашечек капучино стоила мне последних сбережений.

– Если честно, мне совсем не нравится, что вы меня выслеживаете, – уже не так уверенно пробормотала моя визави. – Вы думали хотя бы о том, что я могу, скажем, пожаловаться в полицию?

– Нет! – мне такой вариант действительно не приходил в голову. Но на всякий случай вернулся к обращению на «вы»: – С какой стати вам на меня жаловаться? Наверное, вы просто немного мнительны. Правда, и я обратил внимание на вас. За последние дни вы попадались пару раз мне на глаза. Но, как видите, не закатываю из-за этого истерики, – не ошеломлять же с ходу эту девчонку признаниями о своем гипотетическом отцовстве и не выкладывать ей «сказания старины далекой» про то, с какими муками в далекие постперестроечные времена застенчивые «ботаны» расставались с застарелой девственностью? Придет время, сама все поймет. А то, чего доброго, действительно сочтет меня за шизофреника. – Рад, что все так хорошо обернулось, – вынес я резюмирующее постановление. Принесли кофе, девушка настороженно поднесла чашечку к губам и, таким образом, можно было не бояться, что она немедленно схватит телефон и укоздыляет прочь на своих длинных красивых ногах.

– Извините, если я вчера говорила слишком резко. Вы действительно можете испугать кого угодно. Ночью, откуда-то из подворотни! С таким лицом! Вы перепугали даже этих отмороzków! – она хихикнула. «А какое лицо должно быть у отца, когда он видит, как убивают его дочь?» – чуть было не выпалил я, но взамен этого с налетом кокетства промямлил:

– Неужели у меня был такой страшный вид?

– Еще бы! Ну, не страшный... Но, такой, впечатляющий! Как они побежали! Ой, что это?

– Морская свинка, – пушистый зверек отогрелся в нагрудном кармане моей куртки и высунул любопытную мордочку у меня из-за пазухи. – У нас на станции юннатов за долги отключают отопление, и я перетаскиваю всякую живность к себе домой, чтоб не вымерзла, как мамонты.

– Так, значит, вы не маньяк?

– Нет, конечно! Всего лишь методист-натуралист! Вожусь со всякой живностью, заготовленной для биологических штудий школоты нашим министерством образования!

– Извините! – в голосе ее наконец-то послышалось облегчение. – А я, честное слово, решила, что вас, как бы, интересуют девушки. Понимаете, есть такие мужчины... В общем...

Ну, их не просто интересуют, – замялась моя визави, и я не упустил шанс чуточку подтрунить над ней:

– Экая же вы романтичная особа!

– Не смейтесь надо мной! А почему вы их за пазухой перетаскиваете, а не в клетках?

– А как же еще? Мороз! Если в клетке нести, то они сразу простудятся и погибнут!

– А вы дадите мне ее погладить?

– Ради бога! – я выгрузил грызуна на стойку и отпустил в распоряжение девичьих лап.

– Прелесть! И много их у вас еще?

– Шесть штук. Попугаев с осени раздали на зиму кружковцам, а хомяки и свинки, мы понадеялись, перезимуют и так.

– А мне вы пару штукечек на зимнее хранение можете выдать? А я взамен помогу перевезти их всех разом, в теплой машине.

– Запросто!

Моя собеседница ухватила за телефон и принялась названивать, видимо, тому самому парню в разлапистой шапке, но через пару минут обескураженно отложила трубку. Надо так полагать, «аудивладелец» еще не был настолько приручен, чтобы предоставлять продукцию германского автопрома для перевозки четвероногой живности – в его годы предпочитают двуногую.

– Все равно мы вам поможем! – заключила юная почитательница природы. – Когда можно будет забрать у вас парочку свинок?

– Да хоть сейчас. Отсюда до нашей станции пять минут хода, – мы допили кофе и отправились ко мне на работу.

Станция юннатов располагалась посреди полузаброшенного сада, по-декабрьски одетого в иней и снеговую опушку, и когда мы вошли в калитку, моя спутница только ахнула:

– Как здорово! У вас тут кино снимать можно! – она забежала вперед и, запрокинув голову, стряхнула себе на лицо несколько роскошных хлопьев снега с ближайших веток. – «Зимняя сказка», или что-нибудь еще в этом роде, – и лишь поднявшись на крыльцо нашей конторы и по какому-то особому, свойственному только пустым, брошенным домам эху уловив, что внутри никого нет, обернулась ко мне и коротко хохотнула:

– Вот я и попалась! Заманил-таки! – и, не дожидаясь моего ответа, уверенно потянула на себя ручку двери.

– Просто у нас обед, – успокоил ее, не уточнив, что на зиму методический штат станции сокращается до одного человека.

Пока Ирина любовалась нашим мини-дендрарием и тормошила длинным пальцем с кроваво-алым ногтем полусонных хомячков в клетке, я изобразил из себя серьезного дядечку. Сел за стол и начал линовать страничку в ежедневнике, старательно делая вид, что меня вовсе не волнуют ни она сама, ни каблучки ее ботишков, цокающие по крашенным деревянным половицам, ни стройные, мускулисто рельефные лодыжки, затянутые в золотящиеся колготки, ни звонкий голосок, щекочущий где-то возле самого сердца...

Когда моя новая знакомая вдоволь продемонстрировала свою любовь к природе, я выдал ей двух морских свинок, записал в специально расчерченную ведомость (не даром же я изобразил серьезного дядечку!) ее адрес, и проводил до остановки.

Наверное, мог бы попроситься в гости – показать, как надо обустривать морских свинок в жилом помещении. Благо отношения к концу посещения станции у нас сложились вполне дружественные. Но не решился. Наверное, испугался, что она почувствует, распознает своим женским нутром, что благоустройство морских свинок – лишь предлог! И я – совсем не тот заикленный на флоре и фауне чудак, которого изображаю из себя.

Точнее, не только заикленный чудак. Если уже не распознала – больно уж звонко стучали ее каблучки по половицам, слишком уж артикулировано щебетала она возле клеток с хомьяками!

Да и что мне даст визит на дом? Мама ее днем наверняка на работе, а любая неловкость, неточность вновь могут возбудить подозрительность и разрушить всю комбинацию. Лучше уж завтра, часикам к восьми утра, когда Иринка будет уже в университете, отправлюсь я к дому, в котором она живет, и как бы случайно встречу Олю-Галю-Веру, когда та пойдет на работу. То-то «ребенок-клонёнок» удивится, когда узнает, кто я такой на самом деле!

А то: «Почему вы меня преследуете?» – рассуждая подобным образом, я представлял себе, как мы будем заново знакомиться, и о чем будем говорить, и насколько это будет смешно, весело и трогательно, и с некоторым удивлением отметил, что думаю уже больше не о Гале-Вере-Оле, а об Ирине. Но тут же решил, что это вполне естественно. В конце концов, с Ириной мы уже почти что подружились, а как меня встретит ее мама?

Совершенно неизвестно... Даже страшно. Наверное, я перед нею сильно виноват. Во всяком случае, с женской точки зрения. И с моей – тоже. Очень сильно.

Однако оказалось, что встретить Олю-Галю-Веру мне не судьба. Все-таки одно дело – гоняться по торосам за тюленями, другое – часами топтаться на слякотной, насквозь пропитанной выхлопными газами улице у входа в какое-нибудь бар-кафе или фитнес-клуб. Наутро у меня поднялась температура под сорок, я слег. В принципе, конечно, никакой особой проблемы не видел: обычный чай с малиной поднимает меня в таких случаях на ноги за три дня. Буду как огурчик!

Причем, как выяснилось, внезапная хвороба вовсе не лишила меня прелестей светского общения. Не успел я как следует обложиться подушками, пледами и грелками и задремать, как в дверь позвонили. Кляня на чем свет стоит соседку, повадившуюся ходить ко мне со сломанными утюгами, метнулся в прихожую. Однако в дверном проеме с вытаращенными глазами маячила, кто бы вы думали? – Ирина.

– Я заходила к вам на станцию, но мне сказали, что вы заболели! И телефона у вас нет! Дали этот адрес! Что-нибудь случилось? Это не из-за меня? Мы так долго вчера стояли на остановке! А еще я подумала, вдруг та шпана...

– Да нет, что ты! Так, маленько простудился! – я не знал, полагается ли в нынешние времена приглашать юную даму в квартиру, если на тебе пузырястые треники и старый, измочаленный свитер. Впрочем, Ирина сама с неподражаемой естественностью шмыгнула через порог берлоги, поверх моего плеча проворно окинула взором «недвижимость», и защебетала дальше:

– Я из-за чего пришла-то... У мамы оказалась аллергия на шерсть. Она невозможно чихает и кашляет от этих свинок и просит убрать их куда-нибудь подальше. Можно, я принесу их вам обратно? Что делать, не получается у меня зооуголок на дому...

– Конечно, приноси! А лучше, зачем ты будешь ходить? Через пару деньков я поправлюсь и сам загляну к вам за ними. А то – юная девушка будет бегать с грызунами за пазухой...

– Нет, нет, я принесу! Все равно вечером мне идти на лыжную секцию в универ, а мама еще два дня в обществе свинок просто не протянет. Вы один живете? Может, вам что-нибудь купить?

– Нет, не надо. Впрочем, буду обязан, если добудешь пару порций лапши «Роллтон». Сейчас дам денег.

– А у вас уютненько! – Иринка осваивалась в моем жилище с поразительной быстротой. Скинув в прихожей ботики, она бесцеремонно шлепала босыми ступнями из угла в угол. – Вы и рыбок разводите? Сколько ракушек! Коллекционируете? Да вы ложитесь! – без всякого перехода она начала рассказывать про какого-то университетского педагога, который «тоже коллекционирует», но не ракушки, а пивные пробки. – А моржовый клык настоящий? Да вам за него целую кучу бабок отвалят, если продадите! А музыка у вас есть? – немного опечалившись

тем, что из всей «музыки» у меня в наличии только старенький черно-белый телевизор, Ирина сделала вывод, что «у вас тут надо протереть пыль» и даже поискала глазами тряпку. Орудия труда не нашла, но все равно, в результате ее творческих усилий в моей холостяцкой берлоге в течение доброго получаса бушевал самый натуральный ураган, перемещающий предметы с привычных мест на непривычные, вздымающий воздушные вихри, сыплющий очередями слов и овевающий чуть уловимым запахом магнитящих ноздри духов.

Вечером она пришла вновь. Принесла морских свинок, лапшу «Роллтон» и дала возможность полюбоваться, насколько ей идет лыжный костюм: плотные облегающие штаны словно созданы, чтобы продемонстрировать, насколько эротичен неназойливо выраженный девичий атлетизм, а самая безыскусная на первый взгляд «олимпийка» оказалась способной подчеркнуть объемность бюста.

Еще раз охватив вниманием мой зверинец и условившись со мной, что будет время от времени навещать хомяков, с которыми успела подружиться, пока они изводили маму аллергией, осталась пить чай. В ходе какого-то мероприятия попыталась убедить меня, что я – все же маньяк, так как, во-первых, у меня борода отличается по цвету от волос на голове: «Вспомните Печорина! У него брови были темные при том, что он – блондин!» – ничего себе логика! Приводить в доказательство литературного героя, плод писательского воображения!

– Так разве Печорин был маньяк?

– Маньяк, маньяк! Княжну Бэлу похитил, совсем как вы меня! – я никого еще не похищал и княжну звали вовсе не Бэлой, но, во-вторых, выяснилось, что у меня еще и глаза мерцают в темноте (не замечал за собой, но со стороны виднее), и борода пушится, когда я смотрю на женщин. – Это верный признак, – с абсолютным знанием вопроса рассуждала Ирина, – поэтому все маньяки и бреют бороды!

– Что, и сейчас пушится?

– Еще как! Мне страшно с вами в одной комнате! – после какого-то признания еще четверть часа рассказывала мне, чем бразильские сериалы лучше мексиканских, и кто из знаменитых артисток этих сериалов на самом деле – травести, то есть переодетые мужики. На правах болящего я кутался в плед, дремал, следя за полетом ее мысли и порханием тонких пальцев, и размышлял о том, что вот, пожалуй, так вот оно и выглядит – семейное счастье, и мне оно нравилось.

На этом визите родник девичьего внимания к моей персоне не иссяк: на следующий день Ирина заявила с подругой Таей, которая якобы тоже очень любила морских свинок и даже не прочь была бы взять парочку себе домой, но при этом с гораздо большим любопытством рассматривала меня и, в конце концов, удалилась, сообщив, что свинки у меня «прикольные», но надо прикинуть, «впишутся ли в интерьер».

Я проболел дольше, чем рассчитывал, и решил отложить организацию «случайной встречи» с Олей-Галей-Верой до весны, а то, дежуря на морозце у подъезда, недолго и воспаление легких схлопотать. Тем более что Иринка время от времени продолжала ко мне заглядывать, то одна, то с подругами: насколько я понимал, им было удобнее пить чай между третьей и четвертой парой у меня, чем в студенческом буфете.

Впрочем, Ира, кажется, действительно интересовалась живностью; во всяком случае, каждое свое появление сопровождала обходом клеток и долгими беседами с рыбками в аквариуме, а лично мне пару раз даже намекала на готовность вести экологический кружок при нашей станции.

В общем, имитация «семейного счастья» была достаточно полная, и когда в феврале меня пригласили на конференцию в Москву, я, как обычно, хотел отказаться: кто будет в мое отсутствие целую неделю кормить хомяков и рыбок? Но потом вспомнил об Ирке: а почему бы не поручить это дело ей? Благо университет из окна моей берлоги как на ладони, далеко ходить

ей не придется, да и атмосферой моего обиталища пожилого северного медведя она не слишком брезгует...

«Дочурка», как я ее уже называл про себя, с радостью согласилась, и я оставил ей ключ от квартиры.

Конференция прошла так, как и полагается в наши дни проходить подобным мероприятиям. Помянули свершения былых лет, призвали (непонятно кого) принять «государственную программу освоения просторов Дальнего Севера». На фуршете в качестве фирменного напитка пили «северное сияние». Назюзившись, плакали, клялись и обещали вернуться туда, где «прошли лучшие годы, и где мы еще нужны».

Возвращался ранним утром. Сошел с проходящего поезда, не спеша топал домой, наслаждаясь контрастом провинциального покоя со столичной сутолокой, вдыхал легкий, морозный воздух. Непонятно почему на подходе к дому меня вдруг начало одолевать неприятное, неуютное ощущение, вроде бы, совершенно ничем необоснованное, беспричинное. Уже войдя в подъезд, вдруг понял, точнее, разглядел на зависшей где-то в самом дальнем уголке сиюминутной памяти картинке, что на улице стоит тот самый темно-вишневый «Ауди».

Что-то захолонуло в груди. Как, значит, она там, наверху? В моей квартире? С этим парнем? Устроила себе «малину», дом для свиданий? Еще не веря, как ошпаренный, побежал вниз, выскочил из подъезда, едва не налетел на стоящий у самого бордюра автомобиль, задрал голову, одичало уставился в свинцовые прямоугольники февральских окон.

Ошибки быть не могло. Номер «самобеглой коляски» я помнил хорошо.

Мышцы отяжелели от желания мчаться туда, наверх; за шкирку, как нашкодивших котят, вышвыривать их из квартиры, кричать ей в лицо какие-нибудь горькие, обидные слова: «Я для того дал тебе ключ, доверил жилище?» Уже на полпути схватило за сердце: а я сам? Не так же ли блудил? В чужой комнате, на чужой постели, невыносимо стесняясь самого себя перед своей же партнершей, стыдясь неодолимого алкания ее тела? В черепе провернулась какая-то высокопарная фраза: «Дети возвращают отцам их грехи».

Действительно, какое я имею право? Кто я ей такой? Отец? Но дочь каждого отца рано или поздно начинает жить взрослой жизнью... В конце концов, я тогда, в ту ночь двадцать с лишним лет назад, был даже младше ее сегодняшней!

А что она подумает, если я сейчас ворвусь в квартиру, буду изображать из себя оскорбленную добродетель? Что я на самом деле выслеживал ее, выжидая такой вот момент? Что меня действительно интересует, волнует чужая половая жизнь? Что ради того, чтобы застать ее с мужчиной и насладиться зрелищем чужого соития, часами таскался за ней по ночным улицам, торчал у дверей кафешек и гимнастических залов?

Боже! Какой позор. Какой позор!

Медленно остывая, вновь спустился вниз, к темно-вишневой иномарке. Дул неприятный, пронизывающий ветер. Взглянул на часы – черт, она уже пропустила первую пару! Вместо того, чтобы учиться, ублажает утробу со своим «бриллиантовым мальчиком»! Ремнем бы! Интересно, кто его родители?

Чеканя шаг, прошелся пару раз мимо «Ауди». Сунулся в подъезд – там теплее. Скоро, что ли, они там? Вспомнился французский фильм, просмотренный лет десять назад по «видеку» на полярной станции, когда туда начали забрасывать зарубежные кассеты. В нем молодая сексапильная любовница никак не могла расстаться со своим бой-френдом. Только они доходили до двери, обнимались на прощание, и их тут же с неудержимой силой тянуло в постель. Сами постельные сцены в ленте отсутствовали – нашу заполярную нравственность бдительно берегли, но в прихожей героиня возникала то в одном negligé, то в другом, и каждый раз – во все более соблазнительном.

Неужели и Ирина сейчас вот так же? Обнимает этого «аудивладельца», покоряет своей нежностью, своими ласками, и раз за разом тянет его в безумие простыней, в круговорот страстной неги, в западню разверстого, жадного, изнемогающего от приливов ласки тела?

А он ведь, наверное, богатенький... Вернее, сын состоятельных родителей...

Или, может, у них двоих доминирует Ирина? На нее это похоже! Седлает его, как гордая и дикая амазонка, впиваясь кровавыми ногтями в плечи, подставляет грузно раскачивающиеся груди ласкам полыхающих губ?

Господи! Что за бред? Неужели я и взаправду маньяк, если рисую себе все это?

Вышедшая на площадку старуха подозрительно, собрав рот гузкой, посмотрела на меня. Может, не узнала? Или узнала, но не захотела разговаривать?

Действительно, большего идиота трудно себе представить! Они там кувыркаются себе в удовольствие, а я, законный владелец квартиры, торчу у дверей, боясь позвонить и сказать: «Хватит, ребята, на вторую пару опаздываете!»

А что, если я сейчас, вот этим своим появлением, вторжением, лишу ее счастья? Пусть даже не всего, а крупницы, мгновений? И ради чего? Ради утверждения моих заскорузлых удобств, прав на место под тусклым бобыльным солнцем? Стоят ли часы и даже сутки моего отжившего, эгоистического комфорта ослепительных мгновений ее наслаждения, яркого, полнокровного, головокружащего?

Старуха еще раз вышла из своей квартиры и еще более подозрительно окинула меня желтоватым оком. Смутившись и прикрываясь поднятым воротником, торопливо побежал вниз по лестнице. На улице вишневая жестянка на колесах по-прежнему пласталась на затоптанном снегу. В голове шевельнулась ерническая мысль: может, мне надо насовсем уступить ей квартиру? А самому – в бомжи?

А что? Разве не будет эта моя собственность рано или поздно принадлежать ей? Ведь она – моя дочь, мне больше некому передать то, что довелось собрать, накопить, обустроить в этой жизни! Так что же я? Заедаю чужой век? Что толку от моей квартиры будет ей сорокалетней или, тем более, в пятьдесят лет, когда у нее уже у самой будут взрослые дети? И моменты ее счастья будут уже не столь упоительны и восторженны? Если я хочу ей добра, блага, то надо сейчас, пока чувства остры и свежи, мышцы упруги, а кровь – обжигающе горяча!

Я же, скот, еще и хочу ее за шкуру из этой купели юного и полнокровного восторга вышвырнуть! Сам в свое время не смог, и другим не даю...

Насупившись и постепенно замерзая, я принялся маршировать вдоль иномарки, размышляя о том, что же переживают другие отцы, когда знают, что их дочерей сейчас, вот в эту минуту, имеют чужие мужчины? И родная плоть перестает быть родной, в угаре наслаждения превращаясь в чуждое, инородное, бабье?

Или, может быть, на самом деле все не так? И счастье, пережитое с другим мужчиной, не вытравливает из души девушки, женщины место ее отца? А я, подобно всем старым холостякам и девам, попросту придаю чрезмерно большое значение вопросам пола, интимной жизни?

Когда в университетских аудиториях началась третья пара, в окне моей квартиры на секунду мелькнуло какое-то белое пятно. Я ускорил шаг, временами подпрыгивая и для подъема настроения, подобно киношному герою подпевая: «Меньше надо пить, пить надо меньше!»

Они вышли минут через пятнадцать. Как бы вместе. Но в то же время по отдельности. Парень сразу юркнул к машине. Ирина шла за ним следом, но на полпути под прямым углом свернула ко мне:

– О, боже, ты же замерз! Что же ты не поднялся? – даже не виновато, но, скорее, испугано протянула ключ.

– Оставь себе! – буркнул я. – Еще пригодится! – я не хотел этого говорить. Слова сами навернулись на язык. Даже не пришли, а были вытолкнуты откуда-то из подсознания – протек-

ствующего, требовательного, ревнивого. Сам сначала не понял, на что намекал и намекал ли вообще.

Но Ирина поняла. Резко отвернулась и почти бегом направилась к машине. «Ауди» фыркнул голубоватой стружкой выхлопных газов и, прессуя деликатными иностранными протекторами грязный снег, покатил мимо меня. Мне ничего не оставалось, кроме как проводить автомобиль взглядом.

В квартире на первый взгляд ничего не изменилось. Но ощущение того, что здесь были живые люди, что здесь царила жизнь, а не мое одинокое прозябание, было явственным. Воздух стал чуть гуще, чувствовался запах духов, кажется, сама атмосфера еще хранила ее тепло, звуки ее речи; еще витали вихри, порожденные ее движениями. И не только ее... Не только ее...

Нашлись и более явственные «симптомы»: полдюжины пустых банок из-под «энергетика» под столом, обертка дорогой колбасы в мусорном ведре, там же – яркие фантики... Постель чересчур тщательно застлана; в тощей стопке белья в шкафу не досчитался одной простыни. Значит, ту, грязную, мятую, унесла. Чтобы я не видел?

Посреди стола – ее сотовый. Забыла? Оставила в залог? Или ни то, ни другое?..

Мобильник зазвонил ближе к вечеру. Как и в первый раз, по телефону голос ее звучал глуше и резче, чем обычно:

– Слушай, я там у тебя прибралась маленько, пыль протерла. Если хочешь, могу еще зайти. Постирать...

– Постирай, – с демонстративной индифферентностью принял я жест примирения. На самом деле, если уж тут порезвилась, то почему бы и не постирать?

Судя по всему, под стиркой она понимала возможность периодически запускать в ванной комнате мой допотопный стиральный агрегат и следом возникать на пороге моей «гостиной» в виде симпатичной фурии – слегка растрепанной, в простецкой маечке и минимизированном фартуке, декоративным лоскутком свисающим с пояса и совершенно не прикрывающем ее ног, ненавязчиво-атлетичное великолепие которых только подчеркивалось толстыми черными шерстяными рейтузами или, как сейчас говорят, «лосинами».

Фигуряют тут всякие в эдаком виде, а потом удивляются, почему маньяки за ними по улицам начинают бегать!

Причем возникает она каждый раз в дверном проеме не просто так, а с очередной тирадой:

– Ты ведь не очень сердишься на меня, да? В конце концов, что тут такого?

– В чем? – прикидываюсь я несмышлёнышем.

– Ну, мне показалось, что ты на меня обиделся... Вот, скажи, если бы тебе двадцать лет назад попал в руки ключ от пустой квартиры, ты ведь не упустил бы шанс привести девочку?

– Гм, – у меня неожиданно начинает першить в горле. – В наше время все было не так просто, – не признаваться же этой девчонке, что у меня в мои двадцать лет не было девушки, по крайней мере, в том смысле, в котором это принято понимать сейчас! – И все-таки, Ирина, не забывай, что я был парнем...

– Ну и что, что парнем! – перекрикивает она из ванной шум стиральной машины. – Вечно этот мужской шовинизм! Будто девушка не может получать от секса удовольствия больше, чем мужчина!

– А раз может, – совсем слабо бормочу я, – значит, по твоей логике, никакой разницы между полами быть не должно? Девушки могут вести себя также, как парни?

– О, господдя! Из вашего поколения никакие ветры застой не выветрят! – она вновь возникает на пороге комнаты, но через дверной проем я успеваю заметить, как в прихожей она на ходу вытряхнула из своей сумочки скомканную простыню – ту самую! – и бросила ее в стиральную машинку.

– Хотя бы так! А ты подумай, что скажет мне твоя мама, если узнает!

– Что моя мама? Моя мама, если хочешь знать, выскочила замуж перед третьим курсом, – она размашисто утирает со лба пот, поправляет пряди волос. – А мне скоро уже двадцать два будет!

У меня что-то просело в груди. Значит, Оля-Вера-Галя все-таки вышла за муж. Кем-то прикрыла свой грех. Мой грех! Все сходится! Мы тогда кончали второй курс, в июне я ушел в армию, а ей пришлось выйти замуж. Перед третьим курсом. Пока еще не было видно очевидных признаков. Или уже было видно?

И поэтому вот теперь, двадцать лет спустя, все мои шансы на благополучную семейную старость благополучно идут ко дну: сумбурно выстроенный моей фантазией матримониальный корабль зияет огромной пробоиной. Из доверчиво распахнутых иллюминаторов вырываются предсмертные пузыри воздуха, фистула парового свистка издает прощальный писк...

Наверное, что-то отразилось на моем лице. Во всяком случае, Ирина подскочила ко мне, схватила за руку:

– Да ты что? У тебя – сердце?

– Нет, нет, так, ерунда какая-то. И за кого же она вышла замуж?

– Как за кого? За моего отца, за кого же! – Ирина с недоумением уставилась на меня. – Ну, учились они вместе...

– Да, да, вот как оно бывает! И как же ее зовут? – пыхтел я, и девушка с нарастающей подозрительностью следила за мной.

– Кого?

– Твою маму.

– Галина Даниловна, – значит, ее звали Галей! Что ж, хотя бы теперь буду знать. – Да с чего это мы вдруг о моих родителях? Слушай, ты сам-то как без женщины обходишься? Не семьдесят же тебе, в конце концов, лет! Серьезно? Давай я тебя познакомлю с одной маминой подругой. «Ягодка опять», разведена, кассир в банке, своя квартира, сын кончает школу, бюст – второй размер, минимум целлулита!

– Ира, я тебе в отца гожусь...

– Ну и что, что в отцы! Сколько тебе? Под пятьдесят? И того-то нет! В твои годы наши киноартисты мальчиков в фильмах играют и на студентках женятся! А ты...

– Ты слишком молода, чтобы говорить о таких вещах...

– Почему молода? Ваше поколение вечно так! Как гены месить, так вам и первокурсницы вполне трахабельны, а как слово сказать, так сразу «молодо-зелено». Вон у нас один препод – каждые шесть лет женится на девчонке со второго курса. На первом – подбирает, на втором – женится. И ей хорошо – учиться бесппроблемно, и ему неплохо. Как она универ кончает, разводятся. А ты – «молода», – к счастью, Ирине пришло время бежать к стиральной машинке, и я смог перевести дух. Пустота и какое-то отупение постепенно заполняли меня. Все рухнуло – надежды, расчеты, все хрупкие соломинки, за которые я пытался уцепиться.

Ее звали Галей, и она вышла замуж. У нее – семья. Может, действительно, принять предложение? Грудь второй размер, минимум целлулита – заманчиво! И, главное, как все просто! Никаких мук, метаний, многочасовых дежурств у дверей и подъездов! Познакомят! Сведут!

– Слушай, я же знаю, что ты не того, – продолжает кричать из ванной Ирина так громко, что, наверное, слышно у соседей. – Не голубой! Я же вижу, как ты на мои ноги смотришь!

– Ирина, как не совестно!

– А почему должно быть совестно? Нормальное явление! – Ира вновь возникает из ванной, встряхивая руками мокрую простыню. – У меня – красивые ноги, – с экспозиционным поднятием бедра ставит ступню на табуретку, рассматривает мокрое полотнище на свет, словно невзначай покачивая коленом в метре от моего лица, и я почти с ужасом замечаю, что мои глаза, как маятники, загипнотизировано следуют за движением этой девичьи узкой, безукориз-

ненно обтянутой шерстяной материей колени. – Ну, так что? Знакомить? Или... Чего такого я не могу понять?

– Что любви по знакомству не бывает...

Ира даже немного растерялась. Потом хмыкнула:

– Может, и верно. Так я ведь и не про любовь... Как съездил-то?

– Нормально.

– Какой-нибудь симпозиум по методологии преподавания ученикам третьего класса природоведения?

– Почти. Конференция по экологии полярных морей.

– А ты-то как в такой теме оказался?

– Совершенно случайно. Лет двадцать назад сел в электричку до города Диксон, а обратного билета в кассе не оказалось.

– Ну и?

– Ну и ничего! Приходится теперь вот по всяким конференциям и семинарам мотаться. На пенсии покоя не дают! Да ты вот еще предлагаешь жениться на кассирше с минимумом целлулита, – потом я еще долго не мог понять, смеется ли она надо мной, или нет, с недоверием выспрашивая, правда ли, что я по полгода жил сам-пять с лайками на метеорологической станции и плавал на настоящем атомной ледоколе. – И в водолазном скафандре нырял при минус тридцати? – восклицала она, рассматривая фотографии.

– Это на воздухе минус тридцать. В воде теплее.

– А я-то все думала, откуда у тебя столько ракушек! Так это все правда?

– Что – правда?

– И нерпу ел?

– Ел, ел! – ворчливо подтверждал я.

– Ну, и как она?

– Да никак!

– А с виду... – она критически озирает мою физиономию, – да, видуха у тебя, честно говоря, совсем не как у методиста станции юннатов. Не случайно я тебя за маньяка приняла. Слушай, бороду можно пощупать? Вау, и правда жесткая! С тобой и целоваться-то, наверное, опасно для кожных покровов! Получается, ты у нас настоящий Паганель. Персонаж Жюль Верна! Я тебя так и звать буду, можно? А давай, ты придешь к нам в группу и ребятам все расскажешь!

– Что расскажу?

– Ну, как жили вы там, на полярной станции.

– Да никак. Сидишь себе в теплушке и сидишь. Смотрите рекламу, там все показано!

– Но ведь холодно?

– Холодно... Иногда.

– Так ведь, кажется, сам Андерсен говорил, что холод – это единственная вещь, к которой невозможно привыкнуть.

– Не Андерсен, а Амундсен, – поправляю я ее.

– Все равно. И белые медведи. Ты белых медведей видел? Какие они?

– Белые.

– Страшные?

– Не знаю. Там, все-таки, действительно было холодновато. Не до белых медведей. Точнее, не до страха. Кому это сейчас интересно?

– Да всем интересно! – Ирина загорелась новой идеей. – Тут половина народа не верит, что все было на самом деле, думают, так, пиар такой был, а тут – ты, живой! У тебя унты есть?

– Есть.

– Вот, унты покажешь! – в общем, расстались мы еще большими друзьями, чем были перед моим отъездом. На хорошеньких девушек просто невозможно подолгу сердиться. К тому же через пару дней я действительно зашел после занятий в университет и на импровизированной «встрече поколений» рассказал девчонкам из ее группы (ребята не пришли) про свое северное житье-бытье. Про то, как заблудился вместе с геологами в таймырской тундре. Как тонул на сейнере, который должен был перебросить нас на Новую Землю. Как Коля Мокшанцев промазал последним патроном по нерпе, и мы полмесяца варили похлебку из ремней и жевали какие-то мерзлые корешки, выкопанные из-под снега. Еще про что-то. Возможно, им было немного интересно. Для меня – все какой-то просвет в моем лишенном смысла существовании.

К тому же Ирке это дало повод еще пару раз зайти с подругами ко мне домой, попить чаю, посмотреть ракушки и фотографии. Во время второго визита она особенно вкрадчиво ластилась и, задержавшись после ухода других девушек, ненароком поинтересовалась, до какого времени я буду на следующий день на работе. Я вспомнил про оставленный ей ключ, на сердце потяжелело.

Но что делать? Если не удалось разжечь по жизни собственного костерка, придется греться возле чужого. Честно глядя ей в глаза, сообщил, что дольше 18:00 не выдержу – мороз. Плотовочка ловко чмокнула меня в щеку и пошла в прихожую, торжествующе покачивая бедрами.

Не знаю, поймете ли вы меня правильно. С одной стороны, надо мной довлело тягостное ощущение того, что происходит нечто недостойное, что меня ловко используют, что весь ирин интерес ко мне, как и к хомячкам, рыбкам, ракушкам, моему бродячему прошлому, имеет одно очень простое и утилитарное обоснование – ключ. Ключ от квартиры, где деньги не лежат. Но имеется добротная, широкая кровать.

Но, с другой стороны, будучи в здравом уме и трезвой памяти, мог ли я надеяться на что-либо иное?

Так стоит ли обижаться из-за того, что мне предложен чуточку экстравагантный вариант житейской сделки? Обмен крох внимания юной девушки к престарелому неудачнику – на пару часов бесшабашных утех в деликатно оставленной на время квартире?

А что, если та игра, которая со стороны представляется изощренной и крайне хитрой, на самом деле – лишь естественный инстинкт молодой и здоровой самки, на уровне рефлексов подыскивающей место для спаривания в наших кишацих запретами, предвзятыми мнениями, чужими глазами и ушами кирпично-панельных джунглях? И ради этого она столь же инстинктивно кокетничает, провоцирует, ластится к хрычу-«лендлорду», прокладывая тропку к необходимому ей по предусмотренному матерью-природой закону тайничку наслаждений между простынями койки, стоящей в одной полузаброшенной квартирке?

Поэтому одновременно с изначальным ощущением униженности происходящего в груди у меня начинало теплиться другое чувство – ни с чем несравненное чувство заговорщического, почти напернического единения с юной и очаровательной девушкой, посвященности в ее тайны.

Чувство, почти интимное. Придя на следующий вечер домой, я гораздо тщательнее, чем в первый раз – после приезда с конференции – осмотрел квартиру. По переставленным на кухонной этажерке стаканам, брошенному на столе квитку из кассы супермаркета, чуть сдвинутому половику пытался представить, что они делали, кто ее спутник, точнее, какой он?

Ходил по комнате, внимательно осмотрел полированные бока шкафа, словно мог разглядеть отпечатки пальцев. Вот они зашли... Повесили ли одежду на вешалку, или, как показывают в фильмах, торопливо, сдирая друг с друга, кидали ее на пол? Сразу бросились в кровать, или о чем-то говорили, пили, скажем, чай, разогревая перед «этим самым» друг друга милым словесным петтингом?

Пройдя на кухню, заглянул в жестяную баночку, в которой хранил чай – вроде, не убавилось. Значит, не тратили времени даром? Или чай – это не современно, надо поискать в мусорном ведре баночки из-под чего покрепче?

Зима, тротуары посыпают от гололеда песком с солью, почему же на половике в прихожей нет грязевых следов? Приехали на машине? Или она потом подмела?

Тщательно исследовал все закоулки. Как лайка, обнюхал полотенца, наволочку на подушке, тая дыхание, снял длинный, каштаново-рыжеватый волос, рассмотрел его у окна, долго потом думал, что с ним делать.

«Слона», как водится, заметил в последнюю очередь. Мыл руки в ванной комнате, поднял глаза и прямо перед собой, на туалетном зеркальце, увидел три огромных восклицательных знака, жирно прорисованных ярко-алой губной помадой.

Да, да, конечно, потом, после «того самого», она принимала душ и оставила этот «воплъ восторженной души». Но кому он предназначался? Тому парню, ее партнеру? Чтобы он зашел в ванную после нее и увидел?

Но какой смысл? Разве не проще и естественнее для женщины передать свою благодарность любовнику непосредственно – словом, объятием, нежностью?

А что, если эти знаки предназначались мне? – у меня слегка закружилась голова, как тогда, на зимовке, когда меня свалила пневмония и я, закашлявшись, впервые ощутил вкус собственной легочной крови на языке. Соленый и нутряной.

Что, если таким образом она говорила мне свое «спасибо», свидетельствовала свой восторг, подтверждала, что пережитое ею стоит того, чтобы отбросить все докучливые мысли и сомнения? И просто жить, жить, жить – бурно и страстно, уповая на свет, молодость и радость, как на высших судий?

Повалился на кровать и долго лежал в обалделом ступоре, заснул прямо в одежде, проснулся, словно поднятый ото сна откровением. Глядя в темноту комнаты, который отныне мы обладали вместе, вдруг, абсолютно отчетливо, понял, что теперь, именно теперь, она мне не чужая. Что я в ответе за нее. Что у меня нет ближе и роднее человека.

Подошел к окну, долго и пристально смотрел на освещенный уринным светом фонарей снег под окном. Очень хотелось позвонить ей и сказать что-нибудь. Например, что я на нее совсем не обижаюсь и все приемлю, как есть. Проклял себя за то, что так и не удосужился купить телефон, что так и не научился посылать SMS-ки, что я вообще страшно несовременный человек. Потом сообразил, что сейчас – третий час ночи, что в это время не звонят, да и нужен ей мой звонок, как собаке лишний репей в шерсти...

А вдруг нужен?

На 23 февраля она подарила мне музыкальный центр – пластиковую коробку с лампочками и циферблатами, в которую можно вставлять си-ди-ромы и слушать музыку. Я, конечно, понимал, что пользоваться этой штукой предстоит, в основном, не мне – какой из меня меломан! – а ей с ее друзьями, когда они в очередной раз будут здесь обретаться. Но все равно был ошеломлен, настолько дорогой и фешенебельной была в моем представлении эта штука. Пытался отказаться. Ирина, смеясь, отнекивалась:

– В конце концов, ты спас мне жизнь! – и на вопрос, откуда взяла такие деньги, только махнула рукой. К счастью, подоспела пенсия, и я смог купить ей на Восьмое марта большой букет. Догадываясь, что после обеда она будет «нарасхват», встретил утром, когда она бежала на занятия; едва сам не ошалел, увидев, каким обалденным светом распахнулись ее глаза. Долго смотрел ей вслед, думая над тем, что же она будет в течение трех пар делать с этим моим неуклюжим букетом, куда поставит, где спрячет? Может, попросит сохранить его в преподавательской? Хотя, конечно, проще просто выкинуть...

Несколько раз мне приходила в голову идея все-таки попытаться встретить ее мать, поговорить с ней, объяснить, что я ни на что не претендую, что виноват, и попросить только лишь

рассказать Ирине, кто же я такой на самом деле. В моем представлении, это дало бы мне право встречаться с «клонёнком» не на правах «обмена услугами», а на каких-то более нормальных, человеческих основаниях. У нас появилось бы больше доверия. По крайней мере, она знала бы, что я – не чудаковатый старикашка, а ее отец!

Но, с другой стороны, в этом теперь и не было особого смысла. Для такого привыкшего к одиночеству человека, каким я являлся, внимания ко мне ныне было более чем достаточно. Заприметив как-то у меня в прихожей лыжи, она тут же сообщила, в каком из пригородных лесопарков катается по воскресеньям с подругами. С тех пор по выходным, испуская клубы пара, я прокладывал лыжню для стайки хихикающих девиц, терпел шаловливые обстрелы снежками и с дурацкой обстоятельностью показывал им, как надо разводить в лесу костер – как будто им это когда-нибудь в жизни пригодится!

Неудобства от чувства неловкости компенсировались единственно тем, что, когда подруги разбежались по домам или более веселым компаниям, Ирина иногда оставалась со мной, и мы шли по лесу вдвоем, чаще – бок о бок, прокладывая две параллельные лыжни, и между нами в такие минуты устанавливалась особая близость. Я самым натуральным образом ощущал ее частицей самого себя, чувствовал, как в ее раскаленные долгим бегом легкие врывается свежий бодрящий воздух, как сильное, молодое сердце гонит по жилам жаркую, алую кровь, как напрягаются мышцы, тонизируя нервные окончания и превращая ее всю в стремительную птицу, стелющуюся в своем полете над слепящим своей белизной глаза снегом...

Ловкая и тренированная, на коротких дистанциях она даже обгоняла меня, бывалого лыжника. Вырвавшись на пригорок, на секунду оглядывалась и неслась вниз, оставляя за собой колючий и искрящийся шлейф инеевой пыли, и франтовато тормозила внизу, вычерчивая лыжами крутую дугу и поднимая высокий веер снежных брызг. Размахивая рукой в пуховой варежке, смеялась, показывая ровные и белые, как у артистки в кино, зубы, и щеки ее расцветали приливающей кровью, совсем как юные розы. Она улыбалась широкой жизнерадостной улыбкой здоровой и счастливой девушки, и я сознавал, что жить стоит хотя бы ради того, чтобы она иногда одаривала меня и весь мир такой улыбкой...

И затем, укрывшись от ветра в какой-нибудь рощице, мы пили из пластиковых стаканчиков кофе из термоса, который я возил в рюкзаке за спиной, и кормили крошками крохотных синичек, и ехали обратно, к серой гряде многоэтажек на окраине города, только когда заполуденное солнце начинало откладывать на снегу длинные синеватые тени.

Каким-то образом она достала мне бесплатный абонемент в физкультурный комплекс, и хотя теннисист я был никакой, но зато мог вволю смотреть, как она бежит в коротенькой юбочке по корту и заправски лупит тяжелой ракеткой по мячу. Правда, домой ее подбрасывал на своем джипе какой-то лоснящийся субъект с черными усиками, но, уезжая, она так восторженно улыбалась мне и так сердечно махала при расставании ладошкой, что я не мог даже и представить себе, что у нее с этим типом может быть что-то плотское.

Мне тоже хотелось возить ее на джипе. Хотелось стать жестким и расчетливым, как все нынешние хозяева жизни. Сидя в одиночестве в своей квартире, я пересчитывал свои ракушки и прикидывал, за сколько их согласится приобрести какой-нибудь музей.

Получались гроши.

Иринины проявления внимания ко мне были настолько мной незаслуженны, что я даже обрадовался, когда она в очередной раз изобразила из себя лисичку и начала ластиться ко мне. Капитулировал сразу, едва только увидел ее деланно надутую, извиняющуюся мордашку. Наверное, уже не смог бы отказать ей ни в чем. Но видели бы вы, каким восторженным, благодарным светом вспыхнули ее глаза! За такой свет можно и в прорубь нырнуть, и из окна броситься! И лишь потом, когда она, чмокнув меня в мохнатое ухо, убежала по своим делам, я осознал, что какой-то там ключ и даже целая квартира такое свечение породить, вызвать,

возбудить не могут; так сияют только глаза женщины, которая почувствовала свою власть над мужчиной, и которая за эту власть ему благодарна.

Вы скажете, что эта девчонка просто-напросто вила из меня веревки. Так оно и есть. Но сейчас, по прошествии времени, я могу лишь сказать, что это были счастливейшие дни моей жизни. Наконец-то я получил возможность о ком-то думать, заботиться, переживать! Расходовать запас доброты и нежности, накопленный за долгие годы бесприютной жизни. Оказалось, что это излитие добра приносит почти физическое наслаждение. Я даже помолодел в то время – по крайней мере, так заверила меня директорша нашей станции юннатов.

А чего стоили те крохотные знаки внимания, сюрпризы, которые она оставляла после своих посещений? Смешной рисунок на конфетной обертке, на котором я был изображен в виде Винни-Пуха, а она – в виде обаятельного Пятачка: со стройными ножками, в коротенькой юбочке, пелеринке... Пятачка, в котором пяточкового был только носик?

Или вылепленная из хлебного мякиша птичка, присевшая на ручку форточки? Бумажный кораблик с названием на борту «Lucky Irena»?

Я находил их, возвращаясь с работы, и долгими студенными мартовскими вечерами у меня была, по крайней мере, возможность думать и выдумывать тайный смысл, которые содержали или могли содержать эти маленькие сюрпризы.

Сначала я оставлял безделушки на своих местах, но когда их накопилось уже изрядно, отвел им верхнюю полку в своем шкафу – там, где в спичечном коробке хранился каштаново-рыжеватый волос, подобранный мною с подушки...

К тому же обстоятельства позволяли прибегнуть прямо-таки к отцовским прерогативам.

– Слушай, Ирина, – говорил я во время ее очередного визита, – тут тебя пару раз какой-то мачо местного разлива спрашивал. Очинно интересовался!

– Что, прямо сюда приходил? – вскидывает она глаза вверх аквариума. – Какой из себя?

– Ну, такой, – метр с кепкой, светленький, шапочка-снейперка на бровях держится. А что, есть еще и другие?

– Вот козел! Говорила же! Я ему завтра в универе шапку не на брови, а на кадык натяну! Прости за такую конкретную подставу, просто до некоторых жирафов слова очень плохо доходят.

– Ирина, конечно, это не мое дело. Но мне показалось, что он к тебе вполне серьезно...

– Ага, прикольный кекс! Носиком еще шмыгает, а уже взрослых тетя хочет. Бумкаться с ним, конечно, классно, – она лукаво косится на меня, почти припадая щекой к аквариумному стеклу, и я вдруг с невероятной отчетливостью слышу, насколько оглушающе трезвонит за окном мартовская капель. – Но что еще?

– А тот, с «Ауди»? – после минутной паузы настроенно спрашиваю я. – У меня сложилось впечатление, что у вас были полные лады...

– Это с Пашкой-то? Да мы давно разбежались!

– Что же так?

– А ничего! Ему было хорошо, мне было хорошо. Потом решили «проверить чувства», и оказалось, что по отдельности нам еще лучше. Так бывает, – Ирина всецело сосредотачивается на постукивании ногтем по стеклу аквариума, и я, прокашлявшись, набираю в грудь воздух и приступаю к своему «отцовскому интермеццо»:

– Ира, ты ведь учишься на экономическом факультете. Наверное, тебе известно такое правило, что, если в оборот поступает слишком большое количество акций какого-то одного предприятия, то они падают в цене... И его хозяева могут остаться на бобах. Жизнь, конечно, это не только рынок, я бы даже сказал, вовсе и не рынок, но есть общие принципы...

– Это ты что имеешь в виду? – она с удивленной улыбкой поднимается из-за аквариума. – Это ты про меня, что ли, так? Ну, намекнул! Ну, дал понять! Развел туры на колесах! Вот уж не сказала бы, чтобы после того, что я с этими мальчуками вытворяю, мои «акции» падали

бы в цене, – Ирина мелодично хохочет и немного краснеет, как мне кажется, не столько от смущения, сколько от удовольствия. – Сейчас совсем другой рынок, па-па-ша!

– Пойми, мне хотелось бы, чтобы ты была счастлива. И если ты хочешь выйти замуж...

– Да кто тебе сказал, что я хочу выйти замуж? И за кого? Не за этих же переростков!

Если мне нужен мужчина, то это должен быть человек, который любил бы меня, а не секс со мной. Который относился бы ко мне, как к человеку, а не как к ходячим сиськам! Который бы заботился обо мне, понимал меня, делал бы для меня что-то! Вот как ты, – она неожиданно посмотрела на меня так, как будто увидела впервые. – А то! – Ирина махнула куда-то в сторону рукой. – Сегодня он к тебе так подваливает, завтра – эдак, а послезавтра уже и не помнит, как зовут, – боже! Кого она имела ввиду? Своих «мальчуков-перцев», или же... А вдруг мама когда-нибудь рассказывала ей про одного неуклюжего второкурсника, не взявшего на себя двадцать лет назад труд даже узнать ее имя?..

Впрочем, я никогда не старался строить из себя слишком серьезного блюстителя нравов и даже пытался подтрунивать над ней. Правда, один раз получалось не совсем удачно. Желая продлить минуты ее игривого подлещивания по поводу сроков моего возвращения с работы, неумело изобразил что-то типа смущения:

– Прямо не знаю, как сегодня. Ко мне обещала придти одна знакомая...

– Какая знакомая? – моментально насторожилась Ирка.

– Приятельница. Не могу же я вечно жить один, ты сама мне говорила!

– Ты встречаешься с женщиной? – она изобразила деланно-изумленные глаза, однако я успел заметить, что по ее лицу пробежала легкая тень.

– Почему ты удивляешься? – я даже слегка обиделся. – В конце концов, я ж ещё до «полтинника» не дотянул! Артисты, вон, в мои годы мальчиков играют, на молоденьких женятся, – передразнил я ее чуть-чуть.

– Что же ты мне раньше не сказал? – Ира куксилась все сильнее, и я уже жалел, что затеял этот розыгрыш. – А я тебе тут докучаю! Расскажи хоть, какая она?

– Ну, так, ничего, – напряг фантазию. – В общем, 90 на 60 на 90. Тридцатник только только разменяла.

– Счастливчик! А я-то думала, – Ирина отвернулась к книжному шкафу, но не сумела скрыть, как у нее опустились кончики губ. Несколько минут она молча перебирала книги на полке. Я решил уже, что мою шутку благополучно «проехали», когда она переспросила вновь:

– И давно вы?

– Больше месяца, – изображаю из себя заправского казанову.

– И что? Может, вы и свадьбу... того... Устроить решите?

– Э-э, этот вопрос у нас не поднимался, – я продолжаю творить экспромты. – Такая женщина! – добавил в сочинительском пылу. – Абсолютно безоглядная! Не признает никаких формальностей!

– Да-а? – протянула Ирина. – Везет же некоторым! То-то я и смотрю, ты последнее время весь будто светишься! Все думала... Хотела... А ты!.. Что ж, good luck! Пойду, пожалуй! Мне пора, – Ира отвернулась от шкафа и понуро потащила в прихожую. Сообразил, что уходит, только когда услышал, как она застегивает ботики.

– Ирина, ты уже?

– Да, надо забежать к Людке за конспектом, – я поспешил в прихожую, но она уже стояла, отвернувшись, и сосредоточенно возилась с задвижкой.

– Ирина, чай же хотели еще попить! – и только когда за ней захлопнулась дверь, и я проводил взглядом в окно до ближайшего угла ее зябкую спину в демисезонном пальто, сообразил, что ни за что, ни про что обломал девчонке свидание.

Потянулись смурные дни ранней весны. Тусклые, пронизанные ощущением утраты, сначала – почти незаметным, потом всеохватывающим. Надо же, был маленький, уютный мирок,

в котором мне отводилась приятная и даже почетная роль доброго домового, старого ворчуна, хранителя мимолетного счастья, а я одним неудачным движением все разрушил. Идиот старый! Устроил экспромт! Не умеешь шутить, не шути...

Вновь, как в декабре, начал слоняться перед занятиями и после по университетскому двору. Понурый, как побитый пес, хлюпая талой водой в старых текущих ботинках. Сморкаясь, кашляя и чихая. Встречая насмешливые взгляды каких-то девчонок, может быть, тех самых, которых зимой выгуливал на лыжах по заснеженному лесу. Тогда у меня даже на хватило соображаловки запомнить как следует их лица, поинтересоваться именами – вечный растяпа! И сейчас они хихичут надо мной, и не подойдешь, не спросишь про Ирину!

Да и что спросить? Почему она ко мне больше не приходит? А с какой стати она должна ко мне, старому обалдую, ходить? Она делилась со мной своей щедрой радостью, своей молодостью, своим юным восторгом, а мне вздумалось над ней поиздеваться. Вот и получил!

И нечего отираться возле университета. Везет лишь одиножды, и птица счастья два раза подряд на один и тот же шесток не садится.

...Вновь Ирина забежала ко мне только недели через три. Занесла недорогой вафельный торт, была неестественно оживлена. У меня сразу сложилось чуточку тревожное предчувствие, и не из-за того, о чем она, как я догадывался, будет просить, а из-за чего-то другого.

Пили чай, Ирина много смеялась. Где-то на середине второй чашки, соорив уморительную гримаску и стрельнув глазками, она с уклончивым вызовом бросила:

– Ну, как у тебя с этой... 90 на 60 на 90?

– Какие 90, Ира, могут быть в моем возрасте? – торопливо забормотал я, стремясь как можно скорее замять ту историю. – Неужели ты не поняла, что я шутил?

– Так я и поверила! Шуточки же у тебя, – и она перевела разговор на приближающуюся сессию, на «преподов»; я переспрашивал, пытаюсь с искусственно возбуждаемым интересом вспомнить, кто из знакомых ей педагогов учительствовал еще в мои студенческие годы, как они сейчас?

Потом Ира стала собираться, начала подкрашивать губки, я встал, чтобы мыть посуду. Помню, продолжал рассказывать ей про то, как прикалывались друг над другом в шабашной бригаде, когда я только-только начинал осваивать профессию «забулдыги с «северов»: мазали по ночам мордасы зубной пастой, прибивали шлепанцы к полу – «как пошел, так и упал».

И в это время она неожиданно и совершенно беззвучно подобралась ко мне сзади, прильнула к спине, обхватила руками, запустила ладошки под рубаху:

– Ого, экий ты мохнатый, мой большой северный медведь! – и я вдруг почувствовал, какие у нее упругие, ощутимо весомые сосцы, и что она буквально буравит мне ими спину, при каждом движении обдавая импульсом своего тепла. – Неудивительно, что на тебя вешаются всякие 90 на 60 на 90!

– Ирка, ты что?! Да никто не вешается, пусти! Я же посуду мою! – а она жалась все сильнее и хриплым шепотом влиwała слова в ухо:

– Твоя маленькая хищная росомаха пришла к тебе с заключительной просьбой, о мой большой полярный медведь! – жар охватил череп, выворачиваясь, я расплескал воду, опрокинул табуретку:

– Что? Что? Говори!

– Ничего особенного, – Ирина покорно отступила. – Просто надо помочь одному очень славному человечку...

– Это кто же?

– Моя подруга. Ей страшно не везет с парнями. Не то, чтобы страшенькая... Но завтра у нее будет последний шанс... А мы с тобой тем временем сходим на оперетту. Ты ведь любишь оперетту?

– Какую оперетту? – до меня все еще доходил смысл сказанного ею, конечно, не про оперетту, а про подружку.

– “Сильва”. Известные московские артисты едут в нашу глухомань косить капусту. У меня как раз два билета, – я пытался протолкнуть ком в горле. Они что, хотят превратить мою берлогу в притон какой-то? Проходной двор?

Наверное, мои мысли отразились у меня в глазах. Во всяком случае, Ирина совсем по-детски надув губки, обиженно протянула:

– Мой большой северный медведь! Неужели ты не хочешь сходить со мной в театр? А я так мечтала! – она вновь подобралась ко мне, подняла руки, поправляя на мне вздыбленный ворот рубашки, и чуть-чуть вращала при этом туловищем вокруг позвоночного столба, совсем как девочка-третьеклассница, читающая стихотворение, и я отчетливо видел, как, вычерчивая напряженными сосками зигзаги с исподней стороны блузы, тяжело покачиваются ее груди – нынешнее поколение светских львиц внедряло моду на пренебрежение нижним бельем. – Ну, я тебя очень-очень прошу!

– Ирина! – мой голос совершенно неожиданно сел. – Если я когда-то и позволял тебе, – начал было сипло выговаривать, – то это вовсе не значит, – и тут до меня дошло, что эта ее просьба – мой последний шанс, что если я буду и дальше кочевряжиться, то она просто уйдет и я действительно ее больше не увижу. И, в конце концов, какое мое собачье дело, кто, с кем, где, в какой позе, если она – моя доченька – в это время будет рядом со мной?

Да и что, я – такой блюстителю нравственности, что не могу уступить, когда меня так просит? Слово разбуженный внутренним толчком, внезапно перевел разговор совершенно на другие рельсы:

– Ирка, но ведь эти билеты – целое состояние! Я же не могу так просто, как какой-нибудь альфонс... Я и так... ты мне столько всего... И этот музыкальный центр...

– Ерунда! Не грузись! Кому нужно, тот и платит! Только чур, если уж ты идешь со мной, то одевать тебя я буду сама! У тебя есть парадный костюм с галстуком? – она в мановение ока превратилась в строгую классную наставницу, допрашивающую нерадивого прогульщика.

– Нет у меня костюма. И галстука тоже. И никогда не было. Обходился свитером.

– Ничего. Я одолжу у отца. Вы примерно одного роста, – Ирина еще раз смерила меня взглядом и с придыханием повторила: – Мой большой северный медведь!

Наши сборы в театр на следующий день начались едва ли не сразу после обеда. Ирина действительно принесла отцовский костюм, и мне раз пять пришлось примеривать его. В перерывах между примерками она что-то подкалывала булавками и с деловитым видом ковыряла то пиджак, то брюки иголкой с ниткой, хотя, как я заподозрил, наблюдая за ее манипуляциями, шить она не умела. Потом бесконечно меняла галстуки, добиваясь одного ей понятного сочетания с костюмом, рубашкой и бородой. Уже минут через сорок я готов был взвыть, рухнуть на кровать и плюнуть на все оперетты вместе взятые, но моя мучительница твердо пресекала все появления слабости:

– Так, Паганель, еще попытка!

– Ирина, ну подумай, кто в театре будет на меня пялиться? Во всяком случае, смотреть будут, скорее, на тебя!

– В том-то и дело! Что, по-твоему, является лучшим украшением женщины?

– Откуда мне знать? Нацепи брюлики там разные, еще какую-нибудь мишууа!

– Глупенький! Лучшее украшение женщины – это ее мужчина! Так что будь добр! Плечи расправить, пупок втянуть! Не то как сейчас уколо! – и завершилась эта бесконечная процедура тем, что, осмотрев меня в сто первый раз со всех сторон, Иринка, наконец-то, вымолвила:

– Ба! Да с тобой теперь страшно на люди выйти. Ладно – просто уведут, а то с руками оторвут!

Это был действительно феерический вечер. Очевидно, со стороны мы на самом деле выглядели импозантной парой. В особенности, конечно, она – в строгом кремовом платье, туфлях-лодочках на невысоком каблучке и нарочито буйными протуберанцами густых каштановых волос вокруг тонированного искусственным загаром лица, вспыхивающего то и дело сиянием широко распахнутых глаз. Я просто не мог поверить, что такая девушка может быть вместе со мной, покорно и преданно лгнуть к моему плечу и на каждую мою неуклюжую шутку отвечать тихим и преданным грудным смехом. Один за другим звенели звонки, приглашающие в зал, а мы все разгуливали по фойе, и Ирина, отстав от меня на полкорпуса, разила короткими триумфальными взглядами всех встречно-поперечных сестер по Еве: и молодящихся девиц в рейтарских сапогах до середины ляжки, и знойных мадам чиновничьей породы, и долговязых модельных «кошечек», целыми прайдами вьющихся вокруг грузно-чреватых крепышей из числа постреформенного купечества.

Я и сам исподтишка любовался ею в анфиладах зеркал, придерживая за хрупкий локоток и стараясь навеки запечатлеть в памяти наиболее великолепные ракурсы. И даже когда мы уже сидели в затемненном зале, и со сцены лились чарующие мелодии Кальмана, все равно только и делал, что, вцепившись в подлокотники, смотрел и смотрел сбоку и чуть сзади на ее четко очерченный на фоне рампы профиль, ловил ритм ее дыхания и следил за взмахами ресниц, казавшихся необычайно длинными.

Впечатление портило только одно обстоятельство: каждые двадцать минут Ирине звонила по мобильнику ее подруга и, выслушивая ее, моя спутница делилась вполголоса короткими, но очень компетентными рекомендациями.

– Не пришел, урод! – оповестила она меня перед антрактом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.